

ПРО РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО

Будучи студентами, мы часто играли в одну забавную игру: надо было пересказать содержание своей работы, скажем, курсовой на бытовом языке, не используя специальных терминов. В этой игре участник, описывающий социальную стратификацию, оказался бы в выигрышной позиции: эквивалент в бытовом языке подобрать очень просто — неравенство. Стратификационные исследования — это попытка определить иерархию статусов, существующих в различных обществах, выявить основания этой иерархии, степень закрытости высокостатусных групп, наличие путей и способов достижения желаемого статуса. Специалисты в своей профессиональной работе стараются избегать слов «равенство»/«неравенство», поскольку они слишком нагружены эмоциональными и этическими коннотациями, мешающими исследовательской работе. Пришедший из геологии термин, связанный с изучением вертикали залегания осадочных пород, оказался как нельзя кстати.

Специалисты уже давно согласились, что обществ абсолютного и полного равенства не бывает: любая социальная группа имеет свой центр (или центры, порой находящиеся в весьма сложных отношениях) и периферию. Социальное пространство никогда не бывает плоским, его топология — производная тех ресурсов, которыми располагают социальные акторы и, в свою очередь, определяет распределение социальных предпочтений и бенефитов. При этом необходимо помнить два обстоятельства. Во-первых, ресурсы бывают не только материальными: квалификация, место проживания, пол (вернее его социологический эквивалент — гендер) такие же значимые ресурсы, как заводы и пароходы. Во-вторых, не будем забывать, что в разных обществах ресурсами выступают разные факторы и обстоятельства, и это очень много говорит о характере самого общества. Сравним два социума, в одном из которых аскриптивные (скажем, возраст или цвет кожи) признаки определяют позицию социального актора в общественной иерархии, а в другом — достижительские (например, образование, профессионализм) являются катализатором возможного успеха. Понятно, что перед нами абсолютно разные социальные среды.

Неравенство играет важную роль в обществе. Оно создает своего рода разность потенциалов — необходимое условие социального тока, выступает стимулятором мобильности, формирует достижительскую мотивацию. Как говорил персонаж фильма «Кин-дза-дза»: «Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели!»

Неравенство задает цель. Вместе с тем, даже в самых либертарианских обществах признают необходимость некоторых равенств (или форм равенства): равенства перед законом, независимо от занимаемого статуса; равенства возможностей, независимо от стартового капитала. Более того, именно эти формы равенства считаются необходимым условием успешного социального развития. Они обеспечивают тот высокий уровень доверия, который отличает практически все развитые общества, и является основой современных социальных институтов, базирующихся на горизонтальных партнерских связях. Здесь лежит отличие современных обществ от обществ распределительного типа, где пытаются, чаще всего силовыми методами, установить равенство условий существования. Достичь этой цели невозможно, но попытки, регулярно оканчивающиеся неудачей, редко кому служат уроком. Всегда найдется возможность сослаться на ошибки реализации, помешавшие воплотить в жизнь блестящую и безусловно правильную идею.

Различия между равенством возможностей и распределительным равенством чаще всего объясняют на следующем примере. Предположим, что у группы в тысячу человек есть приз, скажем, миллион рублей, который надо разделить между всеми членами группы. Есть две возможности. Первое, раздать каждому по тысяче рублей — всем поровну. И это распределительное равенство. Вторая возможность — организовать лотерею. Выигрышный билет один, и именно его владелец получает всю сумму, но у каждого участника группы абсолютно равные шансы оказаться этим счастливым. Это равенство возможностей. Так вот, в Британии, США, Германии более 70 % респондентов согласны с утверждением «справедливо, если существуют люди, у которых намного больше денег и имущества, при условии, что у всех есть равные возможности». В опросе, проведенном в США в 2009 году, в ответ на вопрос «Что важнее для нашей страны — сократить неравенство или гарантировать каждому равные шансы самому улучшить свое экономическое положение» 71 % респондентов предпочел равные возможности, 21 % — сокращение неравенства¹. Российское общество слишком долго подвергалось интоксикации «урavnительной» идеологии в советские времена, да и антилиберальная пропаганда последних лет внесла свою лепту — реакции массового сознания значимо другие. Только 7 % опрошенных россиян считают, что «сильное неравенство доходов полезно — люди видят, куда стремиться, и лучше работают», 66 % готовы принять неравенство, «но только если разрыв между бедными и богатыми не слишком велик»,

---

¹ Цитируется по Richard Breen. Social Mobility and Equality of Opportunity. Annual Geary Lecture, March 2010.

23 % полагают, что «всякое неравенство доходов вредно — нужно стремиться, чтобы его вообще не было»².

Советское общество было обществом распределительным, базовой идеологией которого выступало равенство как одинаковость существования. Но ни тотальная пропаганда, пытавшаяся контролировать массовое сознание, ни идеологический пресс цензуры, запрещавший даже упоминание в исследовательской работе таких терминов, как «элита», «социальная мобильность» или «стратификация», не могли скрыть очевидное — реальное неравенство существовало на всем протяжении советской истории и «люди это знали». Приведу в качестве примера данные опроса «Ваша трудовая биография», проведенного Институтом социологии РАН в 1983 году³. Исследователи вынуждены были работать в рамках советских теоретических схем: общество рассматривалось как совокупность трех групп — рабочих, крестьян и служащих. Тем не менее, полученные даже в рамках такого невыразительного и неточного исследовательского языка результаты демонстрируют как наличие иерархической структуры, так и отражение этого факта в массовом сознании. На Рис. 1-3 приведены семантические диаграммы, показывающие «перетекание» потоков социальных акторов между доступными им позициями⁴. Это перетекание никогда не бывает свободным — оно всегда ограничено и экономическими, и административными барьерами разной высоты. Тем не менее, процесс подчиняется общему правилу, выраженному пословицей «рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше». Объем и направленность социальной флюидности позволяют выявить массовые представления о том, «где лучше», хотя в жестком тоталитарном обществе — в условиях, когда государство распоряжается «трудовыми ресурсами» по своему усмотрению, саморегулирующаяся составляющая процесса может быть искажена. Однако напомним, что анализируемые данные были получены в 1983 году, когда и возможности, и интенции Советской власти реализовывать «людоедские» наклонности значимо поубавились.

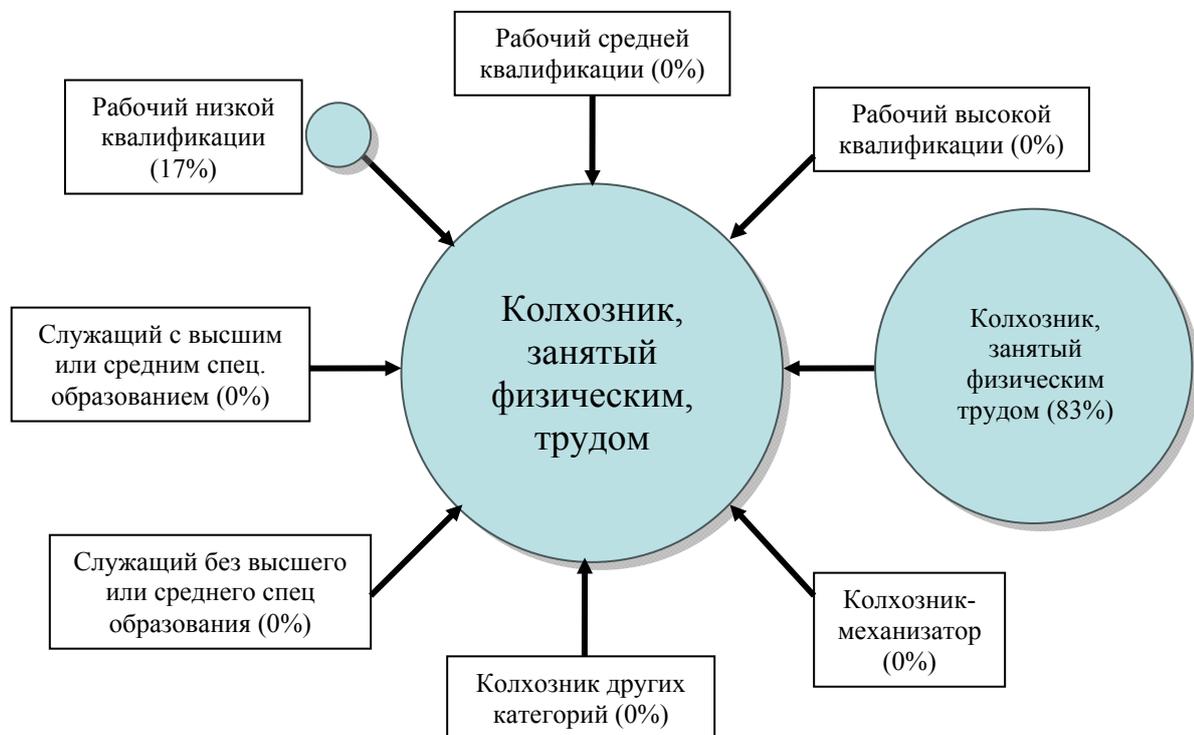
Как читать приведенные диаграммы? Очень просто. Центральный круг диаграммы обозначает текущий социально-профессиональный статус респондентов. «Лепестки» по краям — начальная позиция трудовой карьеры. Диаграммы показывают, какую долю каждая из начальных трудовых позиций составляет в текущем статусе. Например, 83 % тех, кто на момент опроса являлся «колхозником, занятым физическим трудом», начали

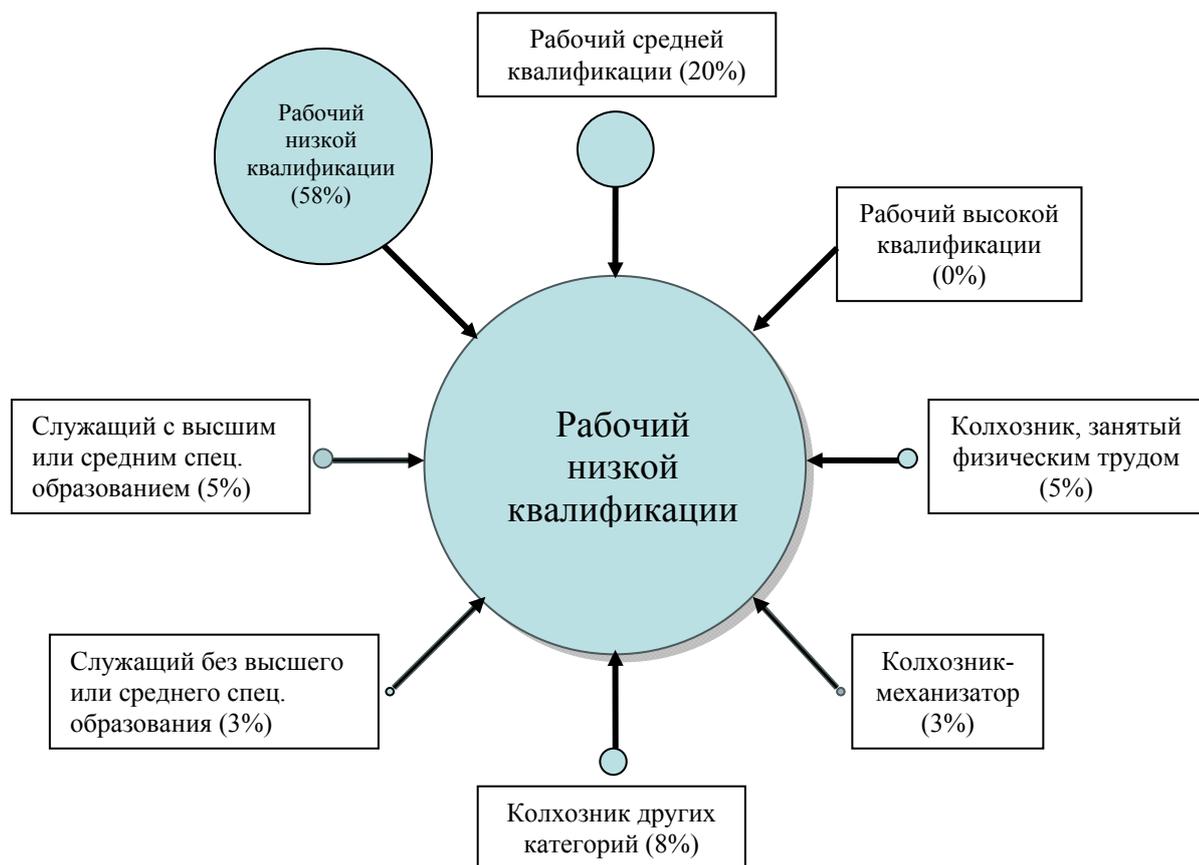
² Данные опроса «Курьер 2008-5», проведенного Левада-центром 11-15 апреля 2008 по репрезентативной российской выборке, опрошено 1600 человек от 18 лет и старше. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных (ЕАЭСД) НИУ ВШЭ: <http://sophist.hse.ru>.

³ Анкетирование проводилось в семи регионах СССЗ: в Тюмени, Татарии, Таджикистане, Киргизии, на Дальнем Востоке, в Воронеже и Абхазии. Опрошено более 8000 человек, данные получены из ЕАЭСД.

⁴ Анализ проводился на данных, полученных в Воронеже, опрошено 2314 человек.

Рис.1

Рис.2

Рис.3

свою трудовую деятельность именно в этой позиции (Диаг.1). Это самый высокий показатель ригидности среди всех доступных для анализа страт. Он означает, что данная социальная позиция либо абсолютно нежелательна, либо абсолютно недостижима. Значительно ниже показатель ригидности в страте «рабочий низкой квалификации» — 58 % (Диаг.2). Существовал довольно высокий приток «рабочих средней квалификации» в эту страту. Основная причина снижения рабочей квалификации — традиционный российский порок, пьянство. Отметим также, довольно значительную долю колхозников, сменивших занятие сельским физическим трудом на труд рабочего низкой квалификации — значимая перемена, позволяющая перебраться в город. Показатель ригидности в страте служащих с высшим образованием еще ниже — 42 %. Обратим внимание, что практически отсутствует приток в эту страту тех, кто начал свою трудовую карьеру как «рабочий высокой квалификации» — стимулов получать высшее образование у высококвалифицированных рабочих не было, не это влияло на возможность повышения их статуса. Корпус служащих с высшим образованием пополнялся в основном либо вчерашними студентами, получившими этот статус сразу после завершения образования, либо рабочим различной квалификации, прошедшими те или иные формы профессионального образования. Колхозников эту страту попадало немного.

В данных анализируемого опроса ясно просматривается несколько осей неравенства, существовавших в советском обществе и вполне ясно осознававшихся респондентами: село/город, «умственный» труд/физический труд, низкое образование/высокое образование. На «неноменклатурном» уровне переход с низкостатусных позиций к более престижным обеспечивали три основных канала: переезд в город, рост квалификации и повышение уровня образования. Нижнюю страту советского общества составляли люди, занятые физическим сельскохозяйственным трудом. В деревне существовала своя «элита» — группа «колхозников, занятых другими формами труда» (так сформулировано в анкете). В переводе на человеческий язык это означает работников контор и правлений. Их статус воспринимался как более высокий, это были позиции, к которым стремились.

Высокая рабочая квалификация являлась своего рода гарантией от нисходящей мобильности. Кроме того, она обеспечивала преимущества для дальнейшего карьерного роста: для того, чтобы выбиться в начальство, следовало побыть рабочим — хотя бы ненадолго отнестись к классу-гегемону. В Таб. 1 приведены ответы на вопрос «Были ли Вы руководителем?» в зависимости от начальных трудовых позиций респондентов. Среди всех населенческих групп именно рабочие высокой квалификации были «кузницей руководящих кадров», поставлявшей резерв начальников различных уровней: только 41 %

респондентов, начавших свой трудовой путь с этих позиций, никогда не были на руководящей работе — существенно меньше, чем в остальных профессиональных группах. Меньше всего руководителей рекрутировалось из среды колхозников: почти 80 % респондентов данной группы никогда не занимали руководящих позиций. Образование как канал вертикальной мобильности давало возможность «приподняться», но потолок карьеры был низок — лишь 6 % опрошенных данной категории занимали позиции выше, чем руководство цехом или отделом.

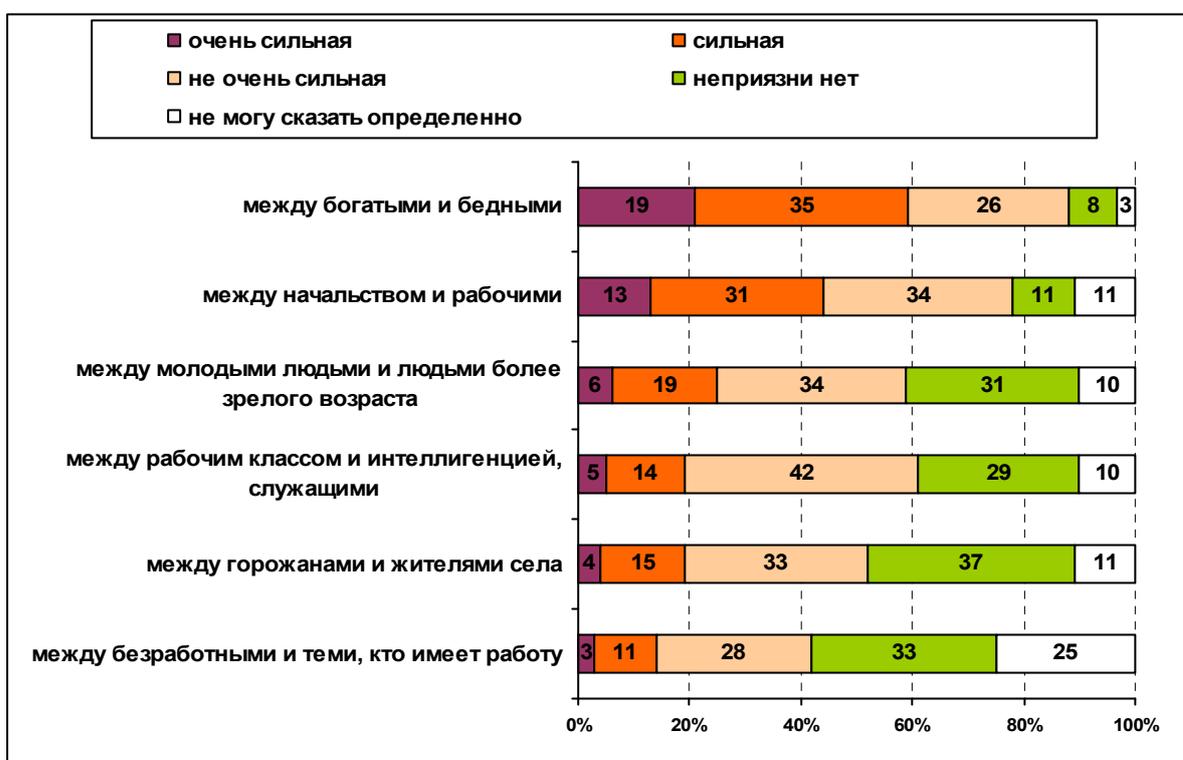
Таблица 1.

Первоначальные трудовые позиции	Занимал ли руководящие позиции				
	никогда не был руководителем	руководил бригадой, звеном	руководил участком, цехом, отделом	руководил предприятием, учреждением, колхозом	работал в государственных, партийных, профсоюзных, комсомольских органах
рабочий низкой квалификации	71%	16%	13%	0.7%	2%
рабочий средней квалификации	69%	15%	16%	0.3%	3%
рабочий высокой квалификации	41%	19%	43%	5%	11%
колхозник, занятый физ. трудом	78%	11%	4%	2%	7%
колхозник-механизатор	78%	22%	0%	0%	0%
колхозник др. категорий	79%	5%	11%	0%	5%
служащий без высшего образования	64%	12%	20%	0%	4%
служащий с высшим образованием	56%	14%	29%	2%	4%

Возможности повышения статуса в советском обществе были ограничены, но и нисходящая мобильность практически отсутствовала, если только индивид не оказывался в оппозиции к системе (существенная потеря статуса была связана с выходом на пенсию). Жизнь в замороженном обществе порождала, с одной стороны, чувство

нереализованности — достижительские установки вступали в противоречие с жесткими ограничениями, накладываемыми советской системой мобильности. С другой стороны, такая ситуация создавала комплекс безответственности, когда вину за любой неуспех можно было переложить на внешние факторы и обстоятельства, благо основания для этого были. Эти напряжения канализировались в чувство неприязни к тому, что воспринималось как успех другого. Линии неприязни проходили точно по веберовским составляющим статуса — деньги, власть, престиж. На Рис. 4 визуализированы данные исследования 1992 года⁵, проведенного в еще фактически советском, не затронутом гайдаровскими реформами обществе. Степень неприязни оценивалась по четырехбалльной шкале, кроме того, у респондентов была возможность уйти от содержательного ответа.

«По Вашему мнению, в какой мере в России существует неприязнь между:»

Самый высокий уровень массовой неприязни проявлялся в отношении к богатым и начальству. Следующая по интенсивности линия напряжения проходила между людьми разных возрастов (возраст опосредует одну из форм отношений авторитета). Село и город, физический и умственный труд, несмотря на все заклинания советских пропагандистов об исчезновении различий между ними, воспринимались массовым сознанием как статусообразующие и порождали определенные напряжения.

⁵ Модуль исследования ISSP (International Social Survey Programme), проведенного нынешним коллективом Левада-центра в 1992 году по репрезентативной российской выборке, опрошено 1944 человека. Данные получены из ЕАЭСД.

Самая существенная стратификационная ось, можно сказать стена неравенства, отделяла советскую номенклатуру от остальной часть советского общества. Это та стратификационная модель, о которой писали Збигнев Бжежинский, Михаил Восленский и Милован Джилас. Фактически советское общество вернулось к самой примитивной форме стратификации — дихотомической: «вожди и масса». «Путь наверх» не был простым, его траектория и условия достижения менялись в разные периоды развития советской системы. В советском обществе каналы вертикальной мобильности всегда находились под жестким бюрократическим контролем. Допуская некоторую свободу движения на начальных стадиях карьеры, система регулирования становилась тем строже, чем ближе «карьерист» подвигался к высокостатусным позициям. При этом отсутствовали внутренние механизмы селекции и гратификации: продвижение определялось решением «вышестоящих и контролирующих инстанций». Для обеспечения социального движения требовалось внешнее напряжение — ситуации кризиса, слома, перетасовывавшие высокостатусные группы и освобождавшие места для новых выдвиженцев. В этом смысле репрессии являлись необходимым, можно сказать ключевым, элементом функционирования всей системы мобильности в целом: без них система оказалась неработоспособной. Смягчение режима — отказ от регулярного физического уничтожения элит — привело к резкому снижению скорости движения социальных лифтов. Безликое словечко «застой» очень точно обозначает не только (а может быть — не столько) замедление темпов экономического роста, сколько практически полную склеротизацию каналов вертикальной мобильности. Данные, иллюстрирующие сказанное, приведены в Таб. 2.⁶

В советском обществе сталинского образца длина карьеры до занятия первой номенклатурной должности составляла в среднем 8 лет, с окончанием репрессий скорость продвижения наверх резко упала. На первых порах некоторый импульс движения задавался заменой «сталинских соколов» на новых функционеров, однако к середине семидесятых данные фиксируют серьезные сбои в работе механизмов восходящей мобильности: длина номенклатурной карьеры выросла почти в 3 раза. Потенциальный карьерист мог надеяться занять вожделенный пост лишь накануне наступления пенсионного возраста. Данные, приведенные в Таб. 2, ставят крест на возможности построения «социализма с человеческим лицом» — его не бывает. Социалистическое общество, лишенное аккумулирующего ресурса частной собственности, рыночных и

---

⁶ По данным исследования «Социальные перемены в России. Элита». Исследование было проведено осенью 1993 года нынешним коллективом Левада-центра. Состоялось 1812 интервью с деятелями госуправления, науки и культуры СССР, занимавшими номенклатурные должности в 1988 г., а также с представителями российской элиты, занимавшими должности, сопоставимые с номенклатурными, в 1993 г.

демократических механизмов саморегуляции, либо пожирает свою элиту, обеспечивая восходящую мобильность, либо впадает в застой, что фактически означает смерть социальной системы.

Таблица 2. Длина карьеры до занятия первой номенклатурной позиции

ПЕРИОД	СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ЛЕТ ДО ЗАНЯТИЯ ПЕРВОЙ НОМЕНКЛАТУРНОЙ ДОЛЖНОСТИ
до 1953 года	8 лет
1954-1961	9 лет
1962-1968	11 лет
1969-1973	14 лет
1974-1984	18 лет
1985-1988	23 года
1989-1991	22 года

К середине семидесятых годов, помимо замедления собственно темпов восходящей мобильности, сократилась вариативность карьер. Появился некий пропускной пункт, через который надо было обязательно пройти, чтобы быть допущенным к высокостатусным позициям. Роль этой «точки входа» в большую карьеру играла должность руководителя среднего звена — только в этой позиции потенциальный карьерист становился виден системе и мог быть отобран для дальнейшего продвижения. В Таб. 3 приведены данные о стартовых и непосредственно предноменклатурных позициях респондентов, занимавших номенклатурные посты в советское время.

Хотя примерно треть советских номенклатурщиков начинали свою трудовую биографию как рабочие, шансов попасть в элиту непосредственно «из рабочих», практически не было. Три процента «элитных рабочих»- это те парадные стахановцы и ткачихи, которые, заняв выборные должности в Советах высокого уровня, украшали президиумы больших съездов. Возможность отбора специалистов в высокостатусные группы существовала, причем динамика их мобильности достаточно точно отражает все перипетии «романа» власти и интеллигенции (см. Таб.4).

Таблица 3. Вероятность попадания в номенклатуру в зависимости от рода деятельности

(процент рассчитан по столбцу, приведены только анализируемые позиции)

	ПРОЦЕНТ РЕСПОНДЕНТОВ, ЗАНИМАВШИХ ДАННУЮ ПОЗИЦИЮ В НАЧАЛЕ КАРЬЕРЫ	ПРОЦЕНТ РЕСПОНДЕНТОВ, ЗАНИМАВШИХ ДАННУЮ ПОЗИЦИЮ ПЕРЕД ПОЛУЧЕНИЕМ ПЕРВОЙ НОМЕНКЛАТУРНОЙ ДОЛЖНОСТИ
руководитель среднего звена	8	46
партработники и работники массовых организаций на не номенклатурных должностях	1	13
специалист без подчиненных	41	25
рабочий	31	3

Таблица 4. Вероятность попадания в номенклатуру в зависимости от рода деятельности в различные периоды

(процент рассчитан по столбцу, приведены только две сравниваемые позиции)

ДОЛЖНОСТЬ, ЗАНИМАЕМАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ПЕРЕД ВСТУПЛЕНИЕМ В НОМЕНКЛАТУРНУЮ	ГОД ЗАНЯТИЯ ПЕРВОЙ НОМЕНКЛАТУРНОЙ ДОЛЖНОСТИ				
	54-61	62-68	69-73	74-84	85-88
специалист без подчиненных	26	30	31	24	17
руководитель среднего звена	23	38	35	50	57

Доля тех, кто пришел на номенклатурные позиции непосредственно «из специалистов» росла вплоть до начала семидесятых, оказавшихся переломными — приток специалистов на номенклатурные должности упал и больше не повышался вплоть до конца советского режима. В то же время росли шансы на занятие номенклатурной должности для руководителей среднего звена. Если в 1954-1961 годах доля пришедших в высокостатусные группы из «партхозактива» составляла 23% — меньше, чем доля специалистов, то к 1974 году эта цифра выросла до 50%. В 1985-1988 годы 57% тех, кто вошел в номенклатуру, вошел в нее через должность руководителя среднего звена. Система больше не нуждалась в «человеке со стороны». Вертикальная мобильность в советском обществе окончательно обрела характер медленного продвижения по строго выверенным ступенькам карьерной лестницы. Фактически существовал единственный лифт наверх, попасть в который можно было только через должность руководителя среднего звена. При этом сама скорость подъема все более замедлялась. Общество становилось все более закрытым, социальные перегородки — точнее перегородка, отделявшая общество от номенклатуры, все более непроницаемой.

Высокая скорость — можно сказать стремительность — карьерного подъема в сталинский период развития советского общества часто интерпретируется как признак легкости достижения высоких статусов для человека «из низов», массовой восходящей мобильности⁷. Однако стремительность продвижения по каналам мобильности отнюдь не тождественна высокой мобильности. При анализе социальной мобильности необходимо учитывать множество параметров: сколько каналов подъема существует и какова их природа, какие фильтры стоят на входах в социальные лифты и кого они отсекают, легко ли возникают новые «пути наверх», какими способами они конституируются, как устроена система гратификации. Представьте, что существует одна-единственная тропинка, ведущая на вершину горы. С какой бы скоростью по ней ни бежали, много поднимающихся привести на вершину она не сможет. К тому же размеры самой вершины ограничены, довольно скоро возникнет затор (если только не начать тем или иным способом избавляться от уже добежавших). Совсем другая ситуация, если тропинок много, ведут они на разные вершины, у социальных акторов есть возможность прокладывать новые дорожки и открывать новые горные хребты. Даже если скорость подъема будет ниже, возникает система, обеспечивающая многим «карьеристам» высокие

---

⁷ Такая точка зрения разделяется многими социальными историками. Например, она была высказана докторами исторических наук И. Орловым и А. Лившиным в очень интересной передаче «Советская повседневность и массовое сознание в 20-30 годы», прозвучавшей на радио «Эхо Москвы»: <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/566469-echo/>

шансы добраться до одной из существующих вершин или создать свою, новую, которая в дальнейшем, возможно, будет расцениваться как желаемый, социально значимый статус.

Становление тоталитарной системы в России привело к тому, что любая карьера — инженера, ученого, писателя, не говоря уже о «начальниках» — не могла реализоваться вне поля государственного влияния и контроля. В стране, более 80% населения которой на момент начала советской истории составляло крестьянство, были перекрыты все каналы восходящей мобильности, связанные с самозанятостью, развитием и умножением собственности. Оставался фактически единственный путь вверх — государственно-бюрократическая карьера. Еще раз обратимся к данным опроса⁸. Анкета содержала блок вопросов, позволяющих восстановить детали трудовой биографии респондентов — должности, которые они занимали, время, когда это произошло, населенные пункты, где они тогда жили. Полученные данные позволяют сравнить карьерные достижения респондентов, трудовые биографии которых реализовывались в различные периоды советской истории. Поскольку на вопросы анкеты отвечали люди разных возрастов (кто-то уже завершил свою трудовую биографию, а у кого-то карьера еще впереди), пришлось воспользоваться приемом демографов — выделить контрольные возрасты и сравнивать достижения респондентов в этих точках их жизненного пути. На рис. 5 визуализированы формальные показатели успеха в разных поколениях — доли респондентов, ставших руководителями к моменту достижения выделенных контрольных возрастов. Группировка осуществлялась по времени начала трудовой биографии. В качестве «руководителей» рассматривались те респонденты, которые занимали должность, входящую в первый фасет кодификатора ISCO-88 — «Законодатели, крупные чиновники, управляющие, директора, руководители подразделений на крупных предприятиях»⁹.

Траектории карьер различных когорт имеют в основном схожую форму: самые высокие темпы карьерного роста приходятся на возраст 26-35 лет, далее вероятность продвижения по карьерной лестнице снижается. Однако есть заметные различия в уровне достигнутого. Наиболее успешной выглядит карьера поколения, вступившего в трудовую жизнь в период с 1954 по 1961 годы. Именно в этой когорте доля тех, кто сумел войти в страту руководителей, максимальна. К 35 годам представители «поколения XX съезда» существенно опережали своих ровесников в других анализируемых группах по числу «руководителей», и далее только увеличивали преимущество. Поколения, начавшие

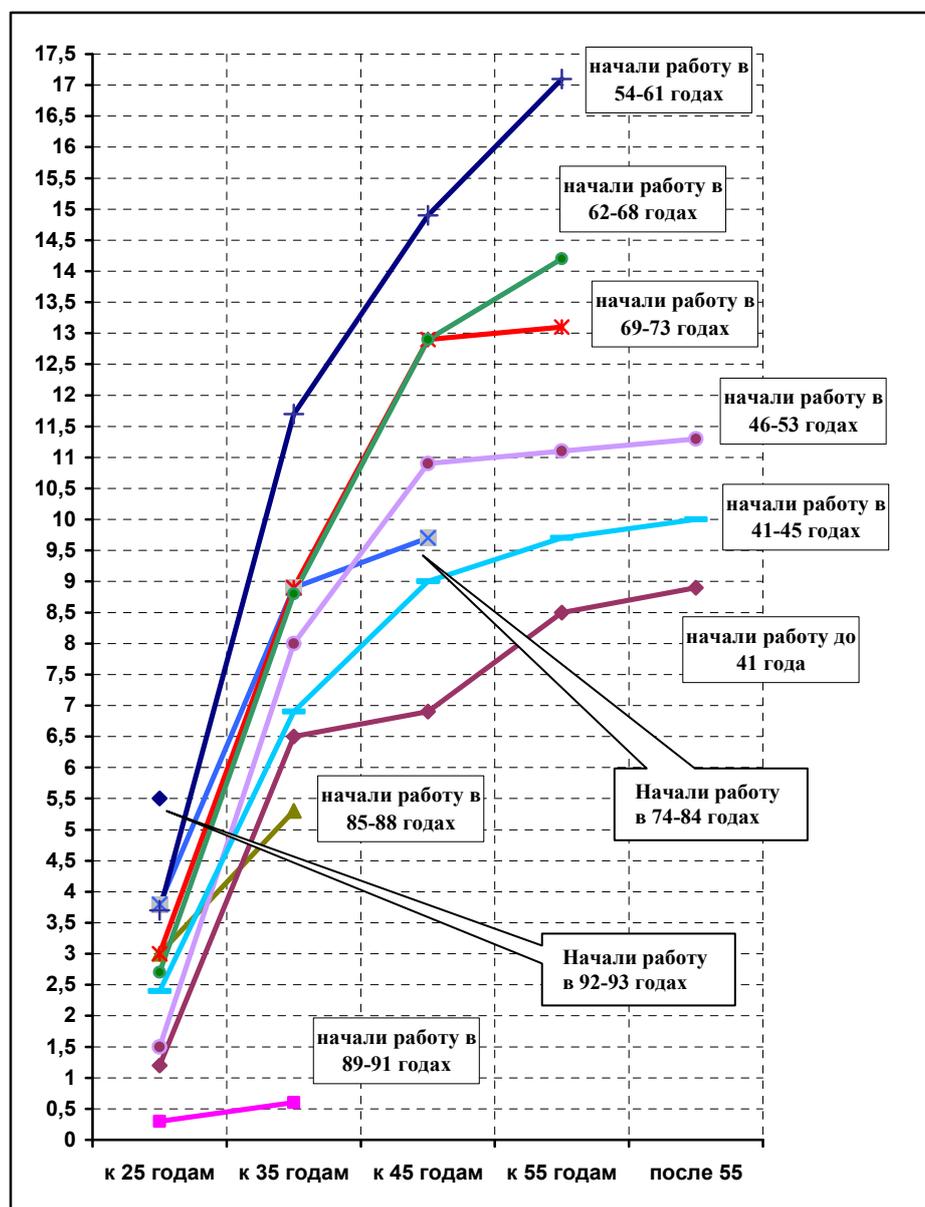
---

⁸ «Социальные перемены в России. Население». Исследование проведено в июне 1993 г. по репрезентативной российской выборке нынешним коллективом Левада-центра. Опрошено 5002 человека в возрасте от 16 до 89 лет.

⁹ ISCO (International Standard Classification of Occupations) — международный кодификатор профессий, разработан Международной федерацией труда. Широко используется при анализе социальной стратификации и мобильности.

трудовую биографию в 1962-1984 годах, имеют (с учетом неполного достижения контрольных возрастов) практически совпадающие «траектории успеха», хотя в каждой следующей анализируемой группе заметно некоторое отставание.

Рис. 5. Доля занявших должность руководителя к определенному возрасту в зависимости от времени начала трудовой биографии

Обратим внимание на различия стартовых позиций различных когорт. Шанс занять руководящую должность в возрасте до 25 лет был максимально высоким у респондентов, начавших трудовую биографию во времена гайдаровских реформ. Это самый успешный страт среди всех анализируемых групп (к сожалению, данные опроса не позволяют проследить дальнейшую судьбу «реформенного» поколения). Провалившимися кажутся

карьеры тех молодых, кто начал трудовую деятельность в период перестройки, в 1989-1991 годы. Это было время «вторых эшелонов» — тех, кто в советское время уже достиг достаточно высоких позиций и наконец-то занял долгожданное место, освобожденное снятым в перестройку начальником.

В поколениях, начавших свою трудовую карьеру в сталинский период советской истории, формальные показатели успеха самые низкие. Так, в группе, начавшей работать до войны, доля респондентов, когда-либо в своей жизни занимавших руководящие позиции, составляет к 55 годам (практически к пенсионному возрасту) чуть менее 9%. В поколениях, приступивших к работе в годы войны или в последние годы сталинского режима, этот показатель несколько выше, однако уступает аналогичному индикатору в других возрастных когортах. Иными словами, у нас нет оснований говорить о сталинском времени как периоде особой легкости достижения высоких статусов рядовыми социальными акторами. Напротив, именно в это время вероятность карьерного успеха для «простого народа» была ниже, чем в другие периоды советской истории. Скорость движения по номенклатурным каналам, действительно, была максимально высокой, но это не синоним массовой восходящей мобильности. И дело не только в количественных показателях достигнутого. При анализе мобильности советских поколений сталинского времени трудно избавиться от ощущения, что к классическим осям анализа (собственность, власть, престиж) следует добавить еще одну — необходимость выжить. Можно назвать мобильность этих поколений «мобильностью выживания», когда целью и смыслом достижения становится не более высокое положение в общественной иерархии, а сохранение жизни. Дело не только в многочисленных войнах, выпавших на долю этих поколений. Государство регулярно продуцировало условия, которые до основания разрушали накопленные социальными акторами ресурсы, ставя их на грань выживания и вынуждая начинать выстраивание жизненного проекта заново, с нуля (если не из негативно заклеянных областей социального пространства). Сталинский режим умел и в недолгие «мирные» годы создавать такие обстоятельства жизни, что простое физическое выживание приходится рассматривать как удачу, в определенном смысле — успешную мобильность.

Основным каналом восходящей мобильности для первых советских поколений являлась армия. Армия выступала не только как собственно профессия и карьера, но являлась трамплином для продвижения в гражданской жизни после демобилизации. Так, один из участников опроса в 1941 году был призван в армию, демобилизован в 1945-м. Вернулся в тот же сельский район, откуда был призван, и вскоре занял должность «руководитель производства в области сельского хозяйства» (эта формула, скорее всего,

означает «председатель колхоза»). Другой респондент был призван в армию в 1934 году из Ростова-на-Дону, где он работал электромехаником. Через 4 года, оставаясь в армии, вступил в партию. В 1941 году стал членом партийного бюро, занимал пост до 1960 года, когда демобилизовался и начал работу в местном совете, а затем в райкоме.

Преодоление угрожающих жизни системных обстоятельств, не связанных с личным характером, персональными ошибками или здоровьем опрашиваемых, присутствует в биографиях многих респондентов. Вот маленький эпизод судьбы одного из опрошенных — женщины, 1921 года рождения. Она родилась в селе, недалеко от Ленинграда. У родителей была земля, по словам респондента, надел среднего размера, и дом. Семья прошла через конфискацию имущества. Респондент, закончив школу-семилетку, продолжила обучение в ПТУ, где приобрела профессию «изготовитель обуви и других изделий из кожи» — сапожник. В возрасте 17 лет девушка приступила к работе в Ленинграде, где снимала даже не комнату — угол. Как сложилась бы ее судьба, если бы родительская семья сохранила дом и землю, а главное избежала бы клейма «раскулаченные»? Отец другого респондента был репрессирован, находился в лагере. Семья прошла через конфискацию имущества — земельного участка. Сам респондент оставил школу и в возрасте 12 лет начал работать в сельском хозяйстве, в школе доучивался заочно. Еще один участник опроса родился в сельском районе в Житомирской области. В 1931 году в возрасте 14 лет переезжает в Житомир, живет в общежитии, учится в школе. В анкете не указано, каким именно образом подростку удалось перебраться из вымирающей от голода украинской деревни в город в то время, когда режим делал все, чтобы не допустить туда голодающих крестьян. Этот ряд биографий можно дополнять, дополнять и дополнять. У всех примеров общим будет одно — система регулярно продуцировала обстоятельства, «сбрасывающие» социальных акторов с достигнутых позиций.

У стратификационной системы советского образца была еще одна важная особенность: не возникало статусного *набора*, который, при потере одного из статусов, сохранял бы положение социального актора в общественной иерархии или хотя бы демпфировал снижение позиций. Из всех веберовских осей, задающих статус, в советском обществе реально работала лишь одна — власть. Деньги как универсальный посредник отсутствовали, социальные сети, опосредующие авторитет, за исключением самых узких, были целенаправленно разрушены. Режим целеустремленно и последовательно расправлялся со всеми сообществами, не опосредованными властью, будь то союз филателистов или комитет дам-благотворительниц - советский человек лишался защитного кокона горизонтальных связей. Фактическая одномерность статуса приводила

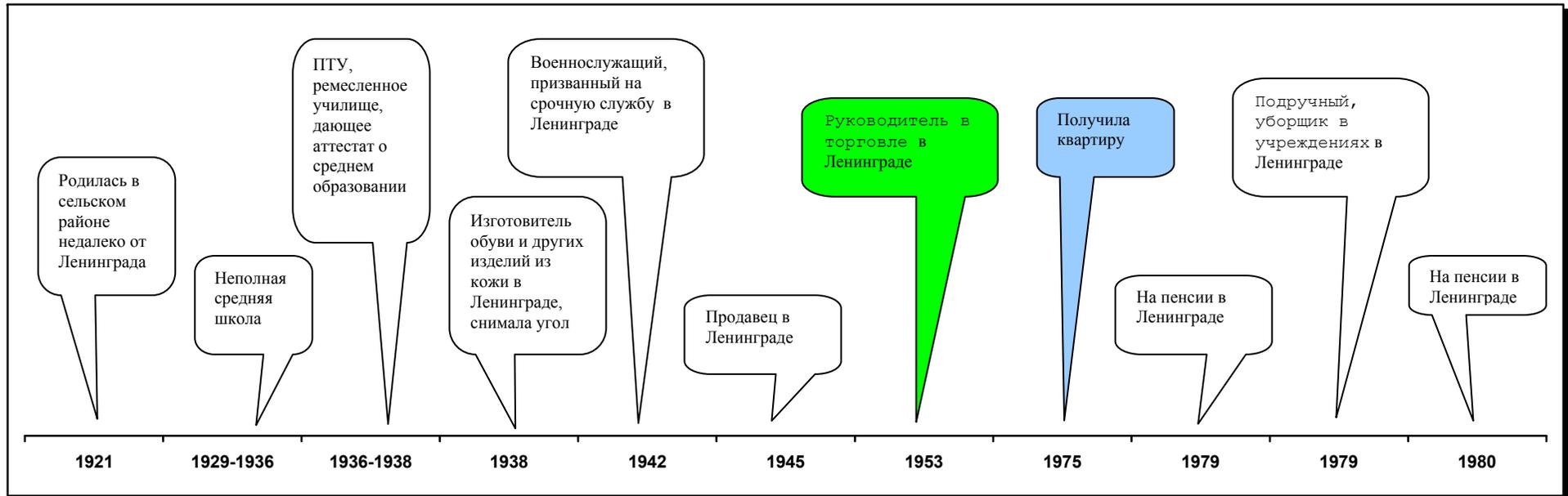
к тому, что даже у тех, кто занимал высокие должностные позиции, не было возможности их конвертировать. В такой ситуации любое достижение оказывается временным, оно не становится «собственностью» социального актора и не приводит к аккумуляции ресурсов. Статус как бы выдается во временное пользование и отбирается системой в тот момент, когда социальный актор «покидает» систему — например, выходит на пенсию. Не случайно эта ситуация так часто драматизировалась советским искусством. Выход на пенсию означал потерю статуса и всех связанных с ним практик. На рис. 6-9 приведены биографические схемы жизненного пути некоторых респондентов. Все они достигли известных карьерных успехов: занимали руководящие посты (отметим важную деталь — не входившие в номенклатуру). Например, респондент P1, та девочка-сапожник, которая уже упоминалась выше, сумела стать «руководителем торговли» — директором магазина. В советские времена беспросветного дефицита это был значимая позиция, позволявшая обмениваться услугами. Тем не менее, после выхода на пенсию респондент некоторое время работала уборщицей, после чего оставила работу совсем. Респондент P2 выйдя на «военную» пенсию теряет и служебную квартиру, и статус. Он снимает угол и, будучи инженером, работает транспортным служащим. Еще один военный, респондент P14, выйдя на пенсию с позиций высшего офицерского состава, работает нормировщиком. В распоряжении «успешных» акторов остается только полученная «за время должности» квартира, которая понемногу теряет свою ценность, старея вместе с домом и превращаясь в коммуналку с появлением семейных детей и внуков, да личное имущество, если его удастся приобрести за время работы.

Советское общество было «обществом ненакопления» — сложившаяся система препятствовала аккумуляции социальных ресурсов как внутри одного поколения, так и на межпоколенческом уровне. Тем самым купировались все импульсы развития, идущие «снизу» — от потребностей, ресурсов и интересов социальных акторов, то есть именно те потенциалы, которые являются необходимой основой успешного саморазвития и саморегулирования социальной системы. Накапливающийся социальный ресурс — необходимое условие развития общества, вернее, независимого от государства саморазвития. Советское общество было похоже на тяжелое транспортное средство, из которого вынули двигатель, поэтому приходится изо всех сил толкать его снаружи, удивляясь, что оно так медленно едет и все дальше отстает от других внешне похожих устройств. Механизмы саморегуляции и развития оказались вытеснены механизмами бюрократического перераспределения и контроля.

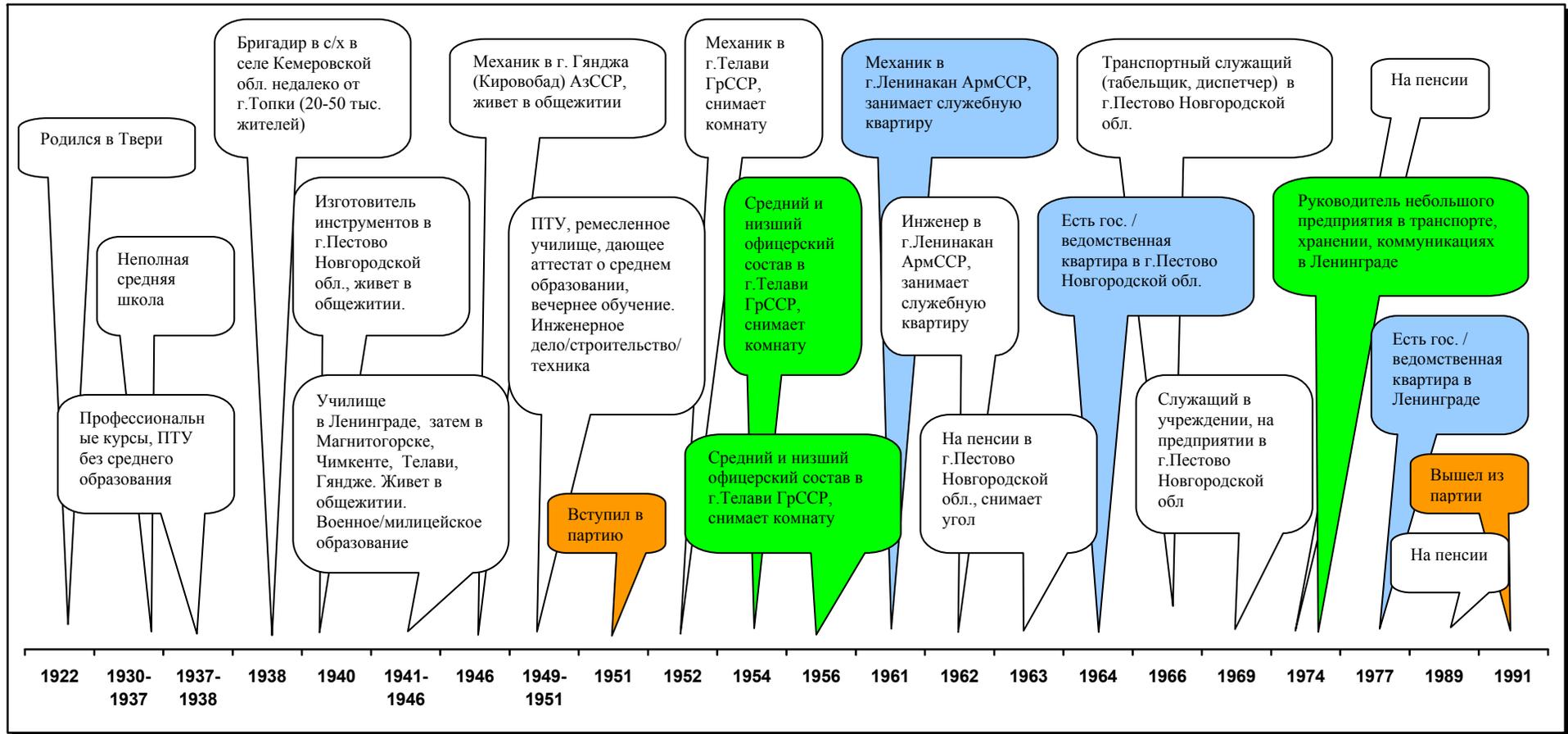
Либеральные реформы 90-х годов дали толчок к изменению ситуации. Однако, позитивная динамика, которая начала складываться в 90-е годы, оказалась купирована

бюрократическим реваншем последних лет. Не происходит развития системы гратификации, обеспечивающей продвижение на высокостатусные позиции тех групп, которые могли бы стать локомотивом модернизации российского общества, принять на себя удар кризисных обстоятельств. Не укрепляются институты, позволяющие социальным акторам накапливать независимые от государства ресурсы — государство прилагает все усилия к тому, чтобы взять их под контроль. Тенденции последних лет оставляют мало шансов российскому обществу на благополучное развитие. Нулевые годы фактически вернули нас к стратификационной схеме и системе мобильности советского образца, явившейся детонатором развала советской системы в совсем недалеком прошлом. Ждем повторения урока?

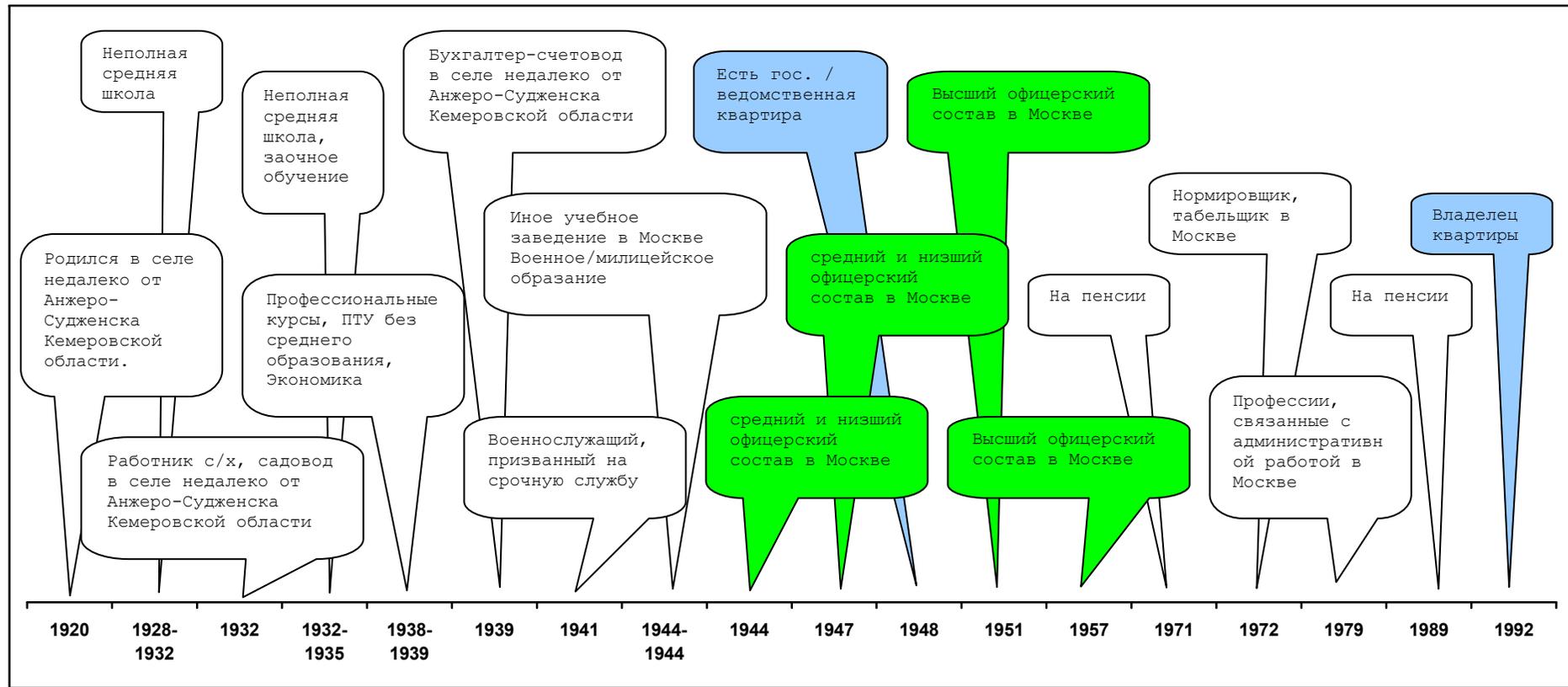
Респондент P1

Респондент P2

Респондент P14

Респондент P16

